

* * *

Млею,
болею,
есть не хочу,
спать не пуцую.
Врать не умею,
вот и молчу.

* * *

Будто я уголь грузю и колю дрова,
Тягаю мешки с песком, запрягаюсь в санки –
Уже бы сдохнуть –
а всё, мерзавка, жива,
Тяну свой воз, слегка порыжев с изнанки.

Когда перестану бегать, начну ходить,
Стану красавицей, буду лениво слушать
Чью-то лесть – и меня не будет тошнить,
Начну возводить дворцы, перестану рушить.
Это вполне возможно – сколько мне лет? –
Ко всему успею привыкнуть – к сласти,
к лести –
Что тогда мне останется?
Белый бред.
Что останется, если вырасту, если,

Если забуду твой вкус и запах, твой вес и цвет,
Хрипловатый голос, родную неверность речи,
Что от меня останется?

Мокрый след

На щеке, и такое горе, что тянет плечи
Мешком песочным, угольной тачкой...
И такая горечь,
что скулы сводит,
И такая нежность,
что всё проходит.

78

* * *

Я никуда не денусь, не прогоняй.
Одну меня на тысячу разменяй –
Мелочь в кармане,
Ветер в ушах звенит –
Меня не станет,
И сердце переболит.

Я останусь словечком на языке,
Гвоздём в ботинке, ниткой на пиджаке,
Твоим отраженьем – смотри на меня, смотри –
На то, что до боли помню снаружи и изнутри, –
Неразменным талантом – носи при себе, носи,
До крови свою губу, мою губу прикуси.

* * *

Ты почти ничего не теряешь –
только берег Днепра,
цветущий весной,
Подол, Батыеву гору,
купанье в мае,
птичий гомон с утра,
старые песни,
неспешные разговоры,
мои лопатки и родинки на спине,
песок Русановки,
и объятия во сне,
и двор, где всё знакомо,
и всё не так –
почти ничего,
какую-то жизнь,
пустяк.

* * *

Специя, говоришь. Специя? Может быть.
То есть то, без чего ты в принципе можешь
жить.

Тоже большое дело – не хлеб, не соль –
Обойдётся. Поставим банку на антресоль.
Этих специй – море. Шумит восточный базар –
Богатый выбор, всегда ходовой товар!
Какая на вкус? Чёрт знает, но языком
Тронешь и понимаешь, что вкус знаком.
Можно в кармане в спичечном коробке
Таскать с собой, путешествуя налегке.
А кто завёз нам специи? Марко Поло?
Или другой ходок, кого не учила школа:
Цель любви, вашу мать, всегда –
продолжение рода,

Остальное – томленье духа и, страшно
сказать, свобода.

И потянулись в Европу длинные караваны
Торговали приправами, набивали карманы
Чистым золотом. На перце росло богатство,
За щепоть порой легко продавали в рабство,
Воевали, грабили, даже жгли города –
А ведь это прах, и пыль, и полная ерунда!

А ты не специя. И не хлеб. Ты вода.
То, к чему тянутся губы, то, что будет всегда.
Как для благословенья, ладони подкой сложу,
Подставлю – хоть точно знаю –
Не удержу.

Ты течёшь сквозь пальцы, ты накрываешь
волной –
Глупо думать, что океан для меня одной –
Согреваешь паром и обжигашь каёмкой льда,
Утоляешь мои печали. Ведь ты – вода.

* * *

Не время уклоняться от объятий,
Когда стоим на зимнем сквозняке,
Когда благословений от проклятий
Не отличить на древнем языке.

Не улетели к югу с журавлями,
Но и не вмёрзли в этот вечный лёд,
И чудится, за снегом, за лесами
Весна бессмертный голос подаёт.

Она в пути, она ещё вернётся.
Пока мы зябнем и устали ждать,
Из всех даров природы нам даётся
Простейший дар – друг друга согреть.

* * *

Я плету крапивную рубашку,
Развлекаю нашу каталажку,
У меня ни слова в оправданье,
Только торопливое вязанье.
Я хожу с вязаньем на допросы,
Но не отвечаю на вопросы.

Я давно не чувствую ожога,
Слов не помню, слёз не замечаю.
Мне осталось доплести немного.
Я тебя под утро повстречаю.

Это заклинанье, волхованье –
Я тебя укутаю в вязанье,
Это жизнь – крапивная рубаха –
От меня прими её без страха.

